

6 самоотверженных еврейских медсестер, чьи имена чтут в разных странах мира

Женщины, которые сделали все от них зависящее, чтобы этот мир стал лучше.

С древних времен и до наших дней известно немало фактов о том, как еврейские женщины стоически и даже героически заботились о тех, чьи здоровье и жизнь оказались в опасности. Вот только шесть еврейских медсестер и их замечательные истории помощи людям.

Шифра и Пуа

Каждый год в праздник Песах мы рассказываем о чуде избавления еврейского народа от жесточайшего египетского рабства.

Было время, когда евреев приняли в Египте с распростертыми объятиями, как самых дорогих и желанных гостей. Однако в какой-то момент к власти пришел правитель, который решил поработить хорошо освоившихся в его краях чужеземцев, при этом стремясь полностью искоренить уникальность их образа жизни.

Но изощренные физические и моральные издевательства благодаря Всевышнему не сломили евреев. И это был дерзкий вызов ожиданиям фараона. Несмотря ни на что народ активно продолжал строить семьи, стараясь сохранить свою самобытность, рождалось много детей, и, главным образом, это можно считать заслугой еврейских женщин.

Тогда фараон придумал еще более чудовищный способ сломить наш народ: он постановил, чтобы всех новорожденных еврейских мальчиков сразу после появления на свет бросали в Нил, не

давая роженицам опомниться и помешать этому.

Египтяне почитали фараона как живого бога; его воля была для них абсолютным законом. И, тем не менее, несмотря на невероятный риск, среди евреек нашлись две повитухи, выступившие против зверств фараона – их звали Шифра и Пуа.

Мидраш рассказывает, что, когда еврейская женщина была готова рожать, Шифра и Пуа бежали к ней, чтобы посодействовать мягким и быстрым родам, благодаря чему рождение еврейских мальчиков можно было сохранить в тайне. А когда египетские чиновники требовали от повитух отчет, Шифра и Пуа сохраняли в секрете имена матерей новорожденных, их адреса и то, где скрываются дети.

Еврейская традиция объясняет, что под египетскими именами Шифра и Пуа на самом деле скрывались Йохевед и Мирьям, мать и сестра Моше Рабейну.

Один из известнейших комментаторов Торы Раши объясняет, что имя «Шифра» можно перевести как «та, которая улучшает». Раши ссылается на тот факт, что мать Йохевед помогала очищать новорожденного и приводить его в порядок, а также всячески ухаживала за малышом, чтобы облегчить жизнь роженице. А имя «Пуа» напрямую относится к воркующим звукам (они примерно так и звучат), которые издавала Мирьям, чтобы успокоить новорожденных в первые минуты их жизни.¹

Марат Юска

В средневековой Европе бывали случаи, когда еврейские женщины становились официальными советниками в вопросах медицины. Одной из таких выдающихся женщин, первых медсестер или, если угодно, целителей, была Марат Юска, еврейка. Она жила в 13 веке и была связана с процветающей еврейской общиной северной Германии.

Марат была специалистом по проблемам с глазами. До наших дней

сохранилось ее подробное описание того, как необходимо готовить лекарство, чтобы помочь в случае, если глаза буквально налиты кровью. Это дает нам ключевое представление о том, какой была медицина в те времена.

«Возьмите каламин (минерал), похожий на белый камень... и подожгите. Выньте его из огня щипцами и положите в банку с крепким уксусом...» – гласил рецепт. И хотя этот медицинский совет противоречит современным знаниям о медицине, настойка, изготовленная по рекомендациям Юска, на протяжении многих поколений успешно использовалась для лечения красных глаз и помутнения роговицы.

Фиби Йейтс Леви Пембер

Многим известна медсестра, спасавшая раненых солдат во время Крымской войны (1853-1856 г.г.), ее имя Флоренс Найтингейл, которую нередко называют основательницей современного медсестринского дела. Менее чем через десять лет после ее деятельности американская еврейка Фиби Йейтс Леви Пембер также внесла значительный вклад в развитие современного медсестринского дела, когда заботилась о раненых солдатах в Гражданскую войну, работая в крупнейшем военном госпитале мира.

Фиби Йейтс Леви Пембер родилась в 1823 году (в сущности, через три года после Флоренс Найтингейл) в богатой еврейской семье. В 1862 году, когда в США разразилась Гражданская война, она стала старшей медсестрой в больнице Чимборасо, в Ричмонде, штат Вирджиния. Фиби работала там на протяжении всей войны, управляла уходом за более чем 76 тысячами солдат Конфедерации, смело усовершенствуя и модернизируя способы ухода за ранеными.

Пока армейские хирурги залечивали раны тех, кто пострадал, Фиби отвечала за обеспечение их комфорта, удовлетворение эмоциональных потребностей и что не менее важно – за закупку съестных припасов и приготовление тысяч блюд каждый день, по сути управляя всем огромным военным госпиталем.

Она провела со своими пациентами бесчисленное количество часов. Порой, чтобы поднять их дух, даже соглашалась сыграть с выздоравливающими в карты. Она находилась рядом с пациентами, когда им было больно, писала под диктовку письма их близким, ожидавшим их дома, и вместе с ними молилась.

Фиби рассказала об этом своем опыте работы медсестрой в военное время в своих мемуарах «История южной женщины» (впервые опубликованы в 1879 году). Она описала и свой первый рабочий день, когда ей пришлось заботиться сразу о сотнях тяжело больных мужчинах.

Кроме всего прочего, она была вынуждена обеспечивать их питанием, имея в наличии лишь маленькую плохо оборудованную кухню. В тот день (и не раз в дальнейшем) она положила на свои еврейские кулинарные гены, вспоминая еду, которую ела в родительском доме в дни своей юности.

«Я смогла обнаружить печку, очень маленькую и ржавую, которая

могла бы подойти максимум для семьи из шести человек. Но в списках, переданных мне ответственным за прием пациентов человеком, значилось около шестисот мужчин, находящихся в самом тяжелом состоянии, и их нужно было снабдить едой из моей кухни... Именно тогда мой разум, пытаясь нащупать верный путь в окутавшей его темноте страха, боясь не справиться со своими уникальными обязанностями, выявил единственное блюдо, которое могло бы в таком случае подойти – куриный суп».

Помимо прямой заботы о пациентах госпиталя, Фиби приходилось еще отслеживать воров, пытающихся скрыться с больничным имуществом и продуктами (надо понимать: в военное время некоторых посещала мысль обокрасть больницу, где точно можно было найти еду). У нее в кабинете хранился пистолет, которым ей пришлось не раз воспользоваться, чтобы отпугнуть нападавших.

В одном отрывке своих мемуаров она описала, как вор «подошел к (припасам), и я тоже... Я встала между ним и объектом нашей борьбы. Лицо мужчины исказила свирепая гримаса, и, грубо схватив меня за плечо, он назвал меня словом, которое порядочной женщине редко доводится услышать...»

Фиби рассказывает, что в этот момент она взялась за оружие.

«Тебе лучше уйти, – сказала я спокойным тоном. – Даже если первый выстрел будет мимо, в стволе есть еще пять патронов, а комната слишком мала, чтобы даже самая неопытная женщина смогла бы промазать шесть раз подряд».

Ей повезло, вор быстро скрылся. Очевидно, всех спасали не только ее душевная теплота и находчивость, но и решительность, и недюжинное самообладание.

Ханна Сандаски

Ханна родилась в 1827 году в литовском городе Ковно, в семье врачей. Ее мать работала акушеркой, и девушка пошла по ее

стопам. Она вышла замуж за Луи Сандаски, а в 1861 году переехала в Питтсбург, где вызвалась работать медсестрой и ассистенткой акушерки в Еврейском обществе помощи женщинам.

Будучи набожной и праведной еврейкой, Ханна вела жизнь, полную служения. Она никогда не соглашалась брать плату за помощь при родах и искала все возможные способы прийти на помощь тем, кто в этом нуждался.

Кроме ухода за больными, по собственной инициативе она стала шить саваны для местного еврейского погребального общества и в то же время подрабатывала свахой.

Она родила семерых детей и при этом активно участвовала в жизни большой питтсбургской общины, которую она и ее муж помогли основать.

Иногда Сандаски помогала местному главврачу, когда бывали особенно трудные роды. А когда у одного из ее сыновей возникли проблемы с глазами, в благодарность Ханне за помощь главврач отправил ее с сыном в Германию, чтобы юноша смог проконсультироваться с известным окулистом.

Пока сын проходил в Германии курс лечения, Ханна Сандаски не теряла времени даром – она прошла официальное обучение медсестринскому делу и акушерству, став квалифицированной повитухой.

Вернувшись в Питтсбург, она открыла практику в районе Хилл и в подавляющем большинстве случаев работала с бедными еврейскими иммигрантами, хлынувшими в Питтсбург из Восточной Европы, и общиной темнокожих.

Она стала всеобщей любимицей во всей округе и прославилась как «Бобба (бабушка) Ханна». Тут и там ее часто видели в черном чепчике и плаще, а для местных детей у нее всегда был полные карманы конфет.

Люди охотно отвечали благодарностью на ее любовь и заботу. Бывшая жительница Питтсбурга Этта Мейерс Кац в интервью о жизни Ханны Сандаски рассказывала: «Моя мама говорила, чтобы, как только я увижу Боббу Ханну, срочно бежала на кухню и варила горячий свежий кофе, потому что она всегда была почетным гостем в нашем доме».

Ханна вышла на пенсию только в возрасте 82 лет, в 1909 году, после того, как помогла появиться на свет 3571-му малышу.

Флоренс Гринберг

Флоренс Гринберг хорошо известна в Великобритании прежде всего как один из самых уважаемых авторов кулинарных книг. Однако во время Первой мировой войны она блестяще проявила себя в совершенно другой сфере, работая медсестрой.

Урожденная Флоренс Оппенгеймер родилась в 1882 году в Лондоне и с детства хотела овладеть именно профессией медсестры. Но ее отец отказался дать ей на это свое разрешение, считая, что подобный вид деятельности не подходит для молодой леди.

Ближе к 30 годам Флоренс начала всерьез опасаться, что скоро станет слишком взрослой, чтобы поступать в школу медсестер, и

потому принялась умолять отца с новой силой. В конце концов, он все-таки сдался.

Она закончила учебу в 1911 году, а вскоре после начала Первой мировой войны оказалась призвана на работу в госпиталь, чтобы помогать раненым солдатам. Флоренс работала в нескольких госпиталях, обустроенных на военных кораблях, ухаживала за британцами, ранеными у берегов Египта и Турции.

Поскольку зона обстрела находилась от больниц в пределах слышимости и существовал реальный риск стать жертвами обстрелов с немецких подводных лодок, Флоренс, как она сама писала подруге, «наконец поняла, что на самом деле означает война».

За 1800 пациентами ухаживал истощенный суровыми условиями медицинский персонал, состоящий всего из десяти человек. Условия на борту корабля были крайне тяжелыми, а потому и дружеские отношения в коллективе стали очень крепкими. Флоренс в этой среде даже получила предложение руки и сердца от коллеги, также служившего на корабле, но отклонила его,

объясняя это тем, что она еврейка и никогда не станет рассматривать брак с человеком другой веры.

Флоренс успела поработать по всему Ближнему Востоку, в том числе какое-то время в британском госпитале в Каире и даже в Земле Израиля, после чего вернулась в Лондон. За преданность, проявленную во время военной службы, она получила награду из рук самого государственного секретаря Великобритании по вопросам войны и авиации Уинстона Черчилля.

К счастью, всякой войне приходит конец. Вернувшись к размеренной гражданской жизни, в 1920 году Флоренс вышла замуж за Леопольда Гринберга, 58-летнего вдовца, который был редактором британской еврейской газеты Jewish Chronicle. И, кстати, кроме того, что она была одаренной медсестрой, в связи с ее замужеством стоит упомянуть, что она еще великолепно готовила, так что Леопольд начал убеждать жену... вести кулинарную колонку в его газете.

Со временем Флоренс написала несколько известных и уважаемых кулинарных книг, в том числе свою классическую именную энциклопедию рецептов, которая стала неотъемлемым атрибутом на еврейских кухнях по всей Британии. Но и былые ее пристрастия не канули в прошлое: сохранив интерес к медсестринскому делу, Флоранс стала членом-учредителем Лондонской еврейской больницы и помогала в создании и оборудовании жилой пристройки для медсестер.

Сельма Маир

Сельма Маир повлияла на работу медсестер в Иерусалиме, установив в зарождающемся еврейском государстве высокие медицинские стандарты и посвятив всю свою жизнь помощи жителям Земли Израиля. Кроме того, она всегда была набожной религиозной еврейкой.

Сельма родилась в 1884 году в немецком Ганновере. Еще в детстве в ее жизни произошла трагедия: мать умерла при

очередных родах, когда девочке было всего пять лет. Этот болезненный опыт привел к тому, что Сельма захотела помогать другим и узнать все, что только можно, о медицине.

Надо отметить, она была одной из первых женщин в Германии, поступивших в школу медсестер. В 1913 году она и еще одна женщина стали первыми медсестрами-еврейками в Германии, когда-либо получившими диплом в этой области.

Сначала Сельма работала в больнице имени Саломона Гейне в Гамбурге. Она была востребованным работником и даже могла сама выбирать, в каком отделении ей трудиться. Однако в 1916 году она решила навсегда покинуть Германию, получив работу у великого немецкого еврейского врача доктора Моше Уоллаха.

Во-первых, он был ярким сионистом, а во-вторых, именно доктор Уоллах основал в Иерусалиме, недалеко от Старого города, ортодоксальную еврейскую больницу Шаарей Цедек. Для этого он специально ездил в Германию, чтобы найти такого профессионала, который мог бы помочь ему привнести знания современной медицины на Ближний Восток. И Сельма Маир произвела на доктора

Валлаха неизгладимое впечатление, так что, не раздумывая, он нанял ее в Шаарей Цедек в качестве старшей медсестры и заведующей.

Сразу же при вступлении в должность Сельма навела в клинике строгий порядок и стала внедрять высокие европейские стандарты ухода за пациентами. Она лично обучила несколько поколений медсестер и акушерок. По мере продвижения по карьерной лестнице, Маир довелось исполнять самые разнообразные функции: быть директором больницы, наблюдать за состоянием здания и оборудованием, следить за тем, чтобы больничные кухни соответствовали самым строгим критериям кашрута. А когда доктор Уоллах проводил операции, Сельма ему ассистировала.

Она и сама вела прием – люди записывались к ней, собираясь из самых отдаленных уголков города, и очередь пациентов, ожидающих ее помощи, иногда тянулась через весь квартал.

Сельма чутко следила, чтобы евреям, пострадавшим во время арабских погромов в Хевроне в 1929 году, оказывали должный уход, а во время периодических эпидемий полиомиелита в Иерусалиме координировала помощь жертвам этой тяжелой болезни.

В 1936 году она помогла основать школу медсестер при Шаарей Цедек и сама вела в ней все практические курсы по сестринскому делу.

Обратите внимание на дату основания. У этой школы были особые цели, одна из которых заключалась в том, чтобы предоставить еврейским женщинам, бежавшим из нацистской Германии, возможность лучше адаптироваться на Земле Израиля, получив здесь образование. Предоставляя место для учебы и проживания, Сельма Маир и Шаарей Цедек спасли жизни целого поколения молодых еврейских медсестер.

Так сложилось, что Сельма так и не вышла замуж, но это не помешало ей ощутить радость материнства – она усыновила несколько детей.

В Шаарей Цедек она проработала долгих шестьдесят восемь лет, пока не умерла, достигнув красивой круглой даты – 100 лет.

К числу этих и многих других беззаветно преданных своему делу еврейских медсестер в наши дни присоединяется бесчисленное число медицинских работниц, которые находятся на передовой борьбы с пандемией Covid-19. Все они герои, и мы от чистого сердца благодарны им за все их старания!

Сноски

1. Раши, Шмот, 1:15.

Источник